

ДОПУСТИМОСТЬ ГРАЖДАНСКОГО ВИГИЛАНТИЗМА В РОССИИ В КАЧЕСТВЕ МЕХАНИЗМА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Петровский А.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Петровский А.В. Допустимость гражданского вигилянства в России в качестве механизма предупреждения преступного поведения. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(3):113–122. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-3-113-122>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Петровский Антон Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (928) 409-65-80

E-mail: Anton-Petrovski@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 29.07.2022

Статья принята к печати: 29.08.2022

Дата публикации: 12.09.2022

Аннотация: Неэффективная деятельность правоохранительных органов и судебной системы по нейтрализации отдельных криминальных явлений, снижает веру населения в способность государства противодействовать преступности, генерируя неофициальные социальные механизмы устраняющие правонарушения. Один из таких общественных институтов называется вигилянством. Поэтому *целью* настоящей статьи будет изучение допустимости использования наиболее известных и эффективных форм вигилантного поведения в системе профилактики преступлений в России.

Для решения поставленной цели в качестве *задач* представляется верным дать определение гражданского вигилянства, изучить как он проявляется в объективной действительности, проанализировать возможность использования внесудебных репрессий в социальной действительности.

Цели и задачи исследования определили *методологию*, основанную на философско-гносеологическом аспекте, который конкретизировал *методы* – контент анализ, анкетирование, качественная и количественная оценка полученных результатов.

В *результате* было установлено, что институт гражданского вигилянства в России представлен различными организациями, и действующими, остаются только те, которые считаются полезными для государственной антикриминальной политики, не зависимо от социальной вредности или опасности поведения ее участников. Гражданский вигилянства имеет форму внесудебного принуждения и репрессии, однако такая форма поведения импонирует большинству молодежи по причине простоты, театральности, ритуальности, мнимой эффективности. Использование институтов гражданского вигилянства принесет больше пользы чем вреда государственной профилактической системе при условии, что будет использоваться в качестве вспомогательного инструмента на основе принципов добровольности, контролируемой автономности, разумной трансформации.

Ключевые слова: гражданский вигилянство, предупреждение преступлений, внесудебная репрессия, субъекты профилактики, участие граждан в охране общественного порядка, социальные институты.

PERMISSIBILITY OF CIVIL VIGILANTISM IN RUSSIA AS A MANNER OF CRIME PREVENTION

Anton V. Petrovskiy

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Petrovskiy A.V. Permissibility of civil vigilantism in Russia as a manner of crime prevention. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(3):113–122. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-3-113-122>

CONTACT INFORMATION:

Anton V. Petrovskiy, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (928) 409-65-80

E-mail: Anton-Petrovski@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 29.07.2022

The article has been accepted for publication: 29.08.2022

Date of publication: 12.09.2022

Annotation: The ineffective activity of law enforcement agencies and the judiciary to neutralize certain criminal phenomena reduces the population's faith in the ability of the state to counteract crime, generating unofficial social mechanisms to eliminate offenses. One such social institution is vigilantism. Therefore, the purpose of this article will be to study the admissibility of using the most well-known and spectacular forms of vigilant behavior in the system of crime prevention in Russia.

To solve the set goal, it seems correct to give a definition of civil vigilantism as tasks, to study how it manifests itself in objective reality, to analyze the possibility of using extrajudicial repressions in social reality.

The goals and objectives of the study determined a methodology based on the philosophical and epistemological aspect, which specified the methods - content analysis, questioning, qualitative and quantitative assessment of the results obtained.

As a result, it was found that the institution of civil vigilantism in Russia is represented by various organizations, and only those that are considered useful for the state anti-criminal policy remain active, regardless of the social harmfulness or danger of the behavior of its participants. Civil vigilantism takes the form of extrajudicial coercion and repression, but this form of behavior appeals to most young people because of its simplicity, theatricality, rituality, and imaginary effectiveness. The use of institutions of civil vigilantism will bring more benefit than harm to the state preventive system, provided that it is used as an auxiliary tool based on the principles of voluntariness, controlled autonomy, and reasonable transformation.

Keywords: civil vigilantism, crime prevention, extralegal persecution, subject of crime prevention, citizen participation in protection of public order, social institutions.

Введение

Гражданский вигилантизм, (лат. *vigilant* – бдительный, начеку, в литературе встречается также название «виджилантизм»), представляет собой общественный институт, реализующий антикриминальные и антиделиктные социальные инициативы населения по наведению и поддержанию правопорядка на территории населенного пункта или региона, автономно, в обход принятых государством правовых процедур. В настоящее время доминирует мнение, что условием появления вигилантизма является правовой нигилизм – отрицание основных правовых ценностей как регуляторов общественных отношений [3; 14; 15]. С такой позицией трудно согласиться. Скорее всего причиной является правовой максимализм – форма правосознания, основанная на индивидуально-субъективном восприятии регламентирующих, обязывающих, запрещающих

предписаний и готовности самостоятельно обеспечивать их исполнение. Близкой по содержанию к вигилантизму в России, являются идея внесудебных репрессий [4; 6]. Граждане, участвующие в охране общественного порядка, вигилантами не считаются, так как последние желают не только охранять правопорядок, но и самостоятельно наказывать нарушителей закона [9]. В настоящее время критерий автономности присутствует не у всех групп «самоорганизованных правоохранителей», их существование в социуме зависит от желания государственной власти, видеть такие структуры в сфере профилактики преступного поведения.

Методы исследования

Для объективного и достоверного исследования была определена методологическая база, которая основывалась на философско-гносеологическом аспекте воспринимающим природу существования неформальных антикриминальных социальных структур с позиций ролевой полноценности (неполноценности), достоверности, истинности, реального положения в общественной жизни государства.

Для того, чтобы оценить насколько допустимы внесудебные репрессии в социальной действительности города Краснодара в 2020–2021 гг. было проведено анкетирование 356 студентов 4-го года обучения юридического и экономического факультетов Кубанского государственного университета, из которых 192 (53,9%) женщины, 164 (46,1%) мужчины. Цель анкетирования заключалась в получении информации о том в каких правоохранительных сферах факты гражданского вигилантизма потенциально возможны, уместно ли применение насилия, угроз и иных противоправных действий со стороны инициативных граждан к правонарушителям.

Результаты исследования

Итак, предполагается, что проявление фактов внесудебного принуждения, понуждения, насилия отмечается, когда полиция, а также региональная и муниципальная власть не может обеспечить общественный порядок, организовать комфортные и безопасные условия для населения. Поэтому одним из условий было уточнение позиции опрашиваемых относительно криминальной обстановки в городе Краснодаре.

«Табл. 1. Оценка криминогенной обстановки в городе Краснодаре в 2020–2021 гг. по мнению опрошенных»

"Table. 1. Assessment of the crime situation in the city of Krasnodar in 2020-2021 in the opinion of respondents"

Субъективное мнение населения об уровне криминальной ситуации в регионе / населенном пункте	Частота	%
Высокая	43	12,0
Средняя	198	55,7
Низкая	96	26,9
Затрудняюсь ответить	19	5,4
Всего	356	100

Результаты, изложенные в табл. 1 показали, что в Краснодаре средний уровень преступности. Студенты мужского пола преобладают среди выбравших низкий уровень (68%), а представители женского пола преобладают среди выбравших высокий уровень криминогенной обстановки (72%) и затруднившихся ответить (85%). Необходимо отметить, что повторно криминологическим исследованием в Краснодарском крае устанавливается факт того, что женщинами криминальная обстановка оценивается значительно негативнее, чем мужчинами [5]. Объяснить такую ситуацию можно высокой эмоциональной восприимчивостью представительниц прекрасного пола, либо неравенством социальной и полицейской защиты прав и свобод указанной гендерной группы.

Дополнительно, участникам опроса было предложено выбрать субъекты профилактической деятельности: федеральные, региональные, муниципальные либо общественные, которые, по их мнению, способны эффективно устранять или нейтрализовывать социально опасные угрозы, с которыми чаще всего борются представители вигилантских групп. Предварительно, со студентами в рамках учебной дисциплины «Предупреждение преступлений» рассматривалась тема: «Субъекты профилактики преступлений», на которой обсуждались вопросы антикриминальной

профилактической эффективности полиции, федеральной службы исполнения наказания, Генеральной прокуратуры, судов и гражданских активистов.

«Табл. 2. Способность субъектов профилактики противодействовать отдельным
 противоправным проявлениям, согласно мнения респондентов»
 "Table. 2. Ability of prevention subjects to counteract individual unlawful manifestations, according
 to respondents' opinions"

	Суд %	Полиция %	Органы исполнительной власти региона и / или местного самоуправления	Гражданские активисты %
Выберите структуру, которую Вы считаете наиболее эффективной в области противодействия обману потребителей	6,1	44,5	29,0	20,4
Выберите структуру, которую Вы считаете наиболее эффективной в области защиты животных от жестокого обращения	3,8	36,3	29,3	30,6
Выберите структуру, которую Вы считаете наиболее эффективной в области борьбы с распитием спиртных напитков и курения в общественных местах	5,2	41,2	28,7	24,9
Выберите структуру, которую Вы считаете наиболее эффективной в области борьбы с распространением в сети Интернет информации вредной для здоровья и психики несовершеннолетних	5,9	36,3	30,2	27,6
Выберите структуру, которую Вы считаете наиболее эффективной в области противодействия антипатриотичному поведению, негативным высказываниям в адрес российской культуры, относительно российского образа жизни, внутренней и внешней политики России	5,9	37,3	36,3	20,4

Таким образом, данные табл. 2 позволяют сделать вывод об уверенности студентов (39,1%) в способности органов внутренних дел бороться с теми противоправными проявлениями, от которых по мнению инициативных граждан общество должно быть избавлено. Тем не менее, эффективная защита животных от жестокого обращения и борьба с распространением в сети Интернет информации вредной для здоровья и психики несовершеннолетних будет продуктивной если в ней активно будут участвовать гражданские активисты.

«Табл. 3. Позиция участников анкетирования относительно допустимости применения противоправных мер к правонарушителям со стороны гражданских активистов»

"Table. 3. Opinion of respondents concerning the admissibility of applying of application of unlawful measures to offenders by civil activists"

	Да (%)	Нет (%)	Затрудняюсь ответить (%)	Всего (%)
Вы считаете допустимым применение насилия, самоуправства, угроз применения насилия со стороны гражданских активистов к лицам, которые возможно имеют склонность к педофилии	58,1	34,8	7,1	100
Вы считаете допустимым применение насилия, самоуправства, угроз применения насилия со стороны гражданских активистов к лицам жестоко обращающимися с животными	59,2	38,7	2,1	100
Вы допускаете применение насилия, самоуправства, угроз применения насилия со стороны гражданских активистов к лицам, которые употребляют в общественных местах алкогольную и спиртосодержащую продукцию либо курят в общественном месте для того, чтобы они прекратили свои действия	19,4	72,5	8,1	100
Вы допускаете применение насилия, самоуправства, угроз применения насилия со стороны гражданских активистов к лицам, негативно высказывающимся в СМИ, Интернете в адрес российской культуры, российского образа жизни, внутренней и внешней политики России	6,3	91,9	1,8	100

Результаты, изложенные в табл. 3 порождают двоякое мнение. Опрошенные считают в целом невозможным применение насилия, самоуправства, угроз применения насилия со стороны гражданских активистов в отношении лиц, которые употребляют в общественных местах алкогольную и спиртосодержащую продукцию либо курят, а также к лицам, негативно высказывающимся в СМИ, Интернете в адрес российской культуры, российского образа жизни, внутренней и внешней политики России. С другой стороны, применение противоправных мер к педофилам и людям, которые жестоко обращаются с животными со стороны гражданских активистов допустимым считают 58,1% и 59,2% соответственно. Такая позиция сформировалась посредством общественного мнения, средств массовой информации, объективной ситуации в правоохранительной сфере.

Научная дискуссия

Гражданский вигилантизм проявляется в социальной среде в качестве:

1) карательной самопомощи, свойственной молодежной субкультуре, ориентированной на защиту чести или достоинства участников групп;

2) этническо-традиционной или родовой защиты, существующей среди представителей народов Северного Кавказа, Поволжья, Сибири, выражающейся в кровной мести или возмездии виновной стороне за вред, причиненный представителю общины или этноса;

3) деятельности инициативных групп из числа населения, самостоятельно пресекающих преступления, правонарушения, либо поведение, не соответствующее по их представлениям нормам морали и нравственности.

Это не новомодное явление, социальный институт «вершителей правосудия» имеет древнюю историю и возник из права общин создавать локальные структуры, защищающие проживающих людей от криминальных посягательств. В средневековой Европе XIII–XV вв. в правоохранных практиках, существовала форма судебного народовластия, имевшая название – фемические суды (Фемгерихт «Freigericht»), которые в отличие от церковных и магистратских, ограниченных подсудностью, территориальностью, сословностью выносили и исполняли приговор в отношении любого лица [2, с. 53].

История США с конца XVIII в. и до середины XIX в. изобилует примерами, когда добровольные помощники вершили правосудие на территориях куда центральная власть, не могла добраться в силу отсутствия технических или ресурсных возможностей. В 1851 и 1856 годах население Сан-Франциско организовывало «комитеты бдительности», состоящие из жителей города, которые насильственными способами восстанавливали мир и спокойствие в городских кварталах, казнив наиболее неисправимых и выслав менее опасных преступников из города¹. В африканских государствах право заинтересованных граждан вести розыск преступников и, в последствии, осуществлять суд над ними, легитимируется доктриной «восполнения пробелов в деятельности полиции и уголовного правосудия», возникающей из-за неэффективности и коррупции [10; 17]. В Мексике, в ряде штатов, действует народное ополчение под лозунгом *Que se vayan todos!* (Пусть все уйдут!), борющееся как против наркокартелей, так и коррумпированных полицейских, военизированных структур, органов правосудия, преследуя цель прекратить наркоторговлю, убийства, похищения людей. Сам феномен вигилантизма в современном мире позиционируется как позитивная форма социального поведения, которую можно использовать в правоохранных целях – для сбора и распространения информации, патрулирования местности и городских кварталов, кроме того, демонстрация «народного самосуда» выполняет профилактическую функцию, являясь простой формой обеспечения законности [12; 16].

В России примерами гражданского вигилантизма является деятельность таких организаций как «Наши», «СтопХам», «Общество синих ведерок», «Хрюши против», «Ешь российское», «Город без наркотиков», «Трезвые дворы», «Наш дом», «Лига безопасного интернета», «Молодежная служба безопасности», «Оккупай-педофилия» и «Оккупай-наркофилия» (но деятельность двух последних организаций была настолько сопряжена с насилием, что в итоге, их создатель – М. Марцинкевич был осужден).

Тактика адептов указанных организаций достаточно проста: во-первых, выбирается объект (мишень), которым может быть предполагаемый педофил или торговец наркотиками, работник торговли, реализующий просроченный товар, водитель транспортных средств, нарушающие правила дорожного движения и т.д. Далее, к «нарушителям» применяются стандартные действия – понуждение, принуждение или насилие, обязательно фиксируемое на видео. Формы: письменные угрозы; обливание зеленкой, краской, мочой; устные угрозы; избиения; уничтожение или повреждение имущества; позорящие или унижающие воздействия. Видеозаписи своих поступков члены таких сообществ потом редактируют и распространяют в сети Интернет. Уголовное законодательство однозначно определяет такое поведение криминальным, квалифицируя его по ст.ст. 167, 213, 214 УК РФ. Поэтому действующими на сегодняшний день остаются только такие вигилантские структуры, которые считаются полезными для государственной внутренней политики, не зависимо от социальной вредности или опасности поведения ее участников.

Социально-психологической основой гражданского вигилантизма в России является:

1) наличие субъективных установок, что исключительно законодательными предписаниями и процедурами, которые используются полицией и судами невозможно противодействовать правонарушителям и преступникам;

¹ The Encyclopedia Americana. New York, Chicago, 1924. Pp. 204.

2) существование у отдельной части населения желания самостоятельно поддерживать закон и порядок посредством применения нелегитимизированного насилия либо принуждения;

3) присутствие внутренней убежденности в правильности собственных моральных установок, а также в том, что их деятельность осуществляется в интересах общества, она справедлива и обоснована [7];

4) распространенность взглядов о неспособности и нежелании полиции, судебных инстанций в полной мере исполнять свои функциональные обязанности по защите жизни, здоровья, имущества граждан.

Привлекательность гражданского вигилантизма имеющего форму внесудебного принуждения и репрессий обусловлена:

1) поддержкой деятельности таких граждан провластными партиями с целью решения своих политических интересов, порождающая легализацию отдельных групп вигилантов, превращению их в межрегиональные общественные (некоммерческие) организации, с правом получения государственного финансирования (грантов), включения наиболее активных и способных в партийную деятельность (*лояльный или управляемый вигилантизм*);

2) показной ритуальностью поведения (наклеивание постеров на лобовое стекло, обливание водой граждан, которые курят в общественном месте, зафиксированные на камеры издевательства над предполагаемыми педофилами или распространителями наркотиков и др.), которая в современном интерактивном мире позволяет молодежи находиться в центре внимания, создавать блоги, аккаунты, получая финансирование;

3) понятностью и простотой разрешения ряда правоохранительных проблем – будем ловить всех, кто (по субъективному усмотрению) склонен к педофилии, для того чтобы их избивать и снимать это на камеру, тогда педофилов будет меньше или вообще не будет, либо будем наклеивать стикеры на лобовые и боковые стекла автомобилям, которые паркуются в неположенном месте, и, водители перестанут парковать транспорт с нарушением и т.д.;

4) возможностями сети Интернет (YouTube, ВКонтакте, Одноклассники и др.) и цифровых средств коммуникации, позволяющей посредством огласки, репостов и комментариев усиливать воздействие на нарушителей юридических и иных социальных норм, безнаказанно разоблачать связи, стыдить и унижать.

Наиболее известные формы вигилантного поведения в России периода 2005–2021 гг.:

1) насильственные и незаконные действия по отношению к противникам политического режима и критикам правящей власти, сопряженные с травлей, оскорбительными действиями, актами вандализма, уничтожения и/или повреждения имущества [13]; 2) преимущественная борьба с лицами, которые торгуют наркотическими веществами или их аналогами, изредка с лицами, которые приобретают наркотики и психотропные вещества для собственного потребления; 3) преследование нарушителей правил дорожного движения и законов запрещающих курение либо употребление спиртосодержащей продукции в общественных местах; 4) выявление фактов обмана потребителей в сфере розничной торговли, а также продуктов с просроченными сроками годности в магазинах; 5) расправы с гражданами, которые жестоко обращаются с животными; 6) месть распространенная среди представителей одной этнической группы применяемая за оскорбления, причинение вреда здоровью различной тяжести или смерти, за убийство; 7) инициативные действия в виртуальном пространстве, в ответ на размещаемые третьими лицами мнения о событиях в реальном мире собственные точки зрения, а также чистка российского Интернета от аморального, безнравственного и социально вредного контента (*цифровой вигилантизм*) [1; 11].

В Краснодарском крае факты вигилантного поведения отмечались неоднократно и преимущественно были связаны с неспособностью правоохранительных органов устранять и нейтрализовывать отдельные социальные конфликты, которые возникали в процессе проживания на территории Абинского и Крымского районов турок-месхетинцев 1996–2002 гг. Либо генерировались противоречиями между местным населением и переселенцами из Армении 1993–1999 гг., внутренней миграцией из Республики Дагестан 2004–2008 гг. Самый известный случай произошел в феврале 2014 года в Сочи, когда возле Морского вокзала мужчины, одетые в казачью форму нанесли телесные повреждения участницам группы Pussy Riot за оскорбление православия и религиозных чувств христиан¹.

¹ Казакам, избившим членов Pussy Riot, может грозить до 7 лет лишения свободы [сайт]. Югополис; 2022 [процитировано 10 июня 2022]. Доступно:

Выводы.

Модели управляемого (лояльного) вигилантизма можно использовать в качестве вспомогательного института нейтрализации либо устранения криминогенных детерминантов. Правоохранительным структурам необходимо учитывать вигилантские настроения локальных сообществ, и на их основе формировать ресурсы, позволяющие контролировать настроения и поведенческие практики, с целью использования недовольства (предубеждения) одних против других, при условии, что поведение таких групп будет управляемо властью.

Представляется правильным использование антикриминального потенциала населения на основе следующих принципов: добровольности, контролируемой автономности, разумной трансформации – т.е. переход от советской модели, использующей административно-командные ресурсы к общественно-профессиональной, основанной на желании и инициативе. Государство должно финансово, репутационно, технически стимулировать участие частных охранных структур и граждан в правоохранительной деятельности [8]. Реализация форм участия граждан в правоохранительной деятельности видится в следующих формах: 1) в виде структурных подразделений Управлений муниципальной безопасности и правопорядка муниципальных образований, которые должны представлять из себя муниципальные казенные предприятия (например МКУ «Безопасный город» функцией которых должно стать привлечение граждан к охране общественного порядка, обеспечение взаимодействия добровольцев с органами внутренних дел и федеральной службы исполнения наказания, оплата работы граждан в таких структурах, обеспечение льготами; 2) в виде некоммерческих общественных организаций правоохранительной направленности, контролируемых полицией и соответствующими подразделениями органов региональной власти, под надзором Генеральной прокуратуры.

Для функционирования необходимо: выделение органами местного самоуправления помещений для размещения органов управления; финансирование деятельности, в том числе выделение денежных средств для оплаты факта каждого дежурства, льготного проезда в общественном транспорте; привлечение частных охранных предприятий к фактическим мероприятиям по устранению и нейтрализации криминогенных детерминантов для чего необходимо изменить содержание ст.ст. 3, 17, 18 Закона РФ от 11 марта 1992 года № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации».

Список использованной литературы:

1. Волкова А.В., Лукьянов Г.В., Мартыанов Д.С. Цифровой вигилантизм: поведенческие паттерны и ценностные ориентации. *Южно-российский журнал социальных наук*. 2021;22(2):37–52. DOI: 10.31429/26190567-22-2-37-52.
2. Гартунг Н. История уголовного судопроизводства и судостроительства Франции, Англии, Германии и России: монография. Москва: Академия фундаментальных исследований; 2016.
3. Клепцова Л.В. Вигилантизм как результат деформации правосознания. *Сборник статей VII Международной научно-практической конференции: Юриспруденция, государство и право: актуальные вопросы и современные аспекты*. Пенза, 2021.
4. Милуков С.Ф. Внесудебная репрессия в механизме подавления коррупционной преступности. *Материалы международных научно-практических круглых столов, проведенных БФУ им. И. Канта: Противодействие коррупционной преступности: проблемы и пути решения*. Калининград, 2020.
5. Петровский А.В. Страх перед преступностью: региональная характеристика, особенности и

References:

1. Volkova A.V., Luk'yanov G.V., Mart'yanov D.S. [Digital vigilantism: behavioral patterns and value orientations]. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk=South Russian Journal of Social Sciences. Южно-российский журнал социальных наук*. 2021;22(2):37–52. DOI: 10.31429/26190567-22-2-37-52. (In Russ.)]
2. Gartung N. [History of criminal justice and the judiciary of France, England, Germany and Russia]. Moscow: Academy of Fundamental Research; 2016. (In Russ.)]
3. Kleptsova L.V. [Vigilantism as a result of the deformation of legal consciousness]. *Collection of articles of the VII International Scientific and Practical Conference: Jurisprudence, state and law: topical issues and modern aspects*. Penza, 2021. (In Russ.)]
4. Milyukov S.F. [Extrajudicial repression in the mechanism of suppression of corruption crimes]. *Materials of international scientific and practical round tables held by I. Kant University: Counteracting corruption crime: problems and solutions*. Kaliningrad, 2020. (In Russ.)]
5. Petrovsky A.V. [Fear of crime: regional characteristics, features and causes]. *Proceedings of the*

причины. *Материалы XVII международной научно-практической конференции: Наука и знание: векторы развития конкурентоспособности общества, науки и бизнеса.* Новороссийск, 2015.

6. Пономарев Е.Г., Дудченко Ю.Л., Рассказов В.Л. Внесудебные репрессии как мера борьбы по охране государственного строя в России во второй половине XIX – начале XX века. *Философия права.* 2014;(5(66)):62–67.

7. Симонова И.А., Порозов Р.Ю. Молодежный вандализм как вигилантизм: российская специфика «стратегий бдительности». *Евразийский юридический журнал.* 2019;(10(137)):467–469.

8. Ходжаева Е. Возрождение ДНД (добровольных народных дружин) в России: пример навязанный сверху мобилизации. *Laboratorium: Журнал российских социальных исследований.* 2019;(3):105–141. DOI: 10.25285/2078-1938-2019-11-3-105-141.

9. Чернобровкин И.П., Шевелев В.Н. Вигилантизм в конфликтах местных жителей и этнических мигрантов: управленческий подход. *Социально-гуманитарные знания.* 2014;(11):83–87.

10. Akinlabi K.L., Ihemeje G.C. Role of Vigilante Groups in Crime Prevention and Control in Ile-Ife, Osun State, Nigeria. *Ife Social Science Review.* 2021;(29(2)):89–105.

11. Daucé F., Loveluck B., Ostromooukhova B., Zaytseva A. From Citizen Investigators to Cyber Patrols: Volunteer Internet Regulation in Russia. *Laboratorium: Russian Review of Social Research.* 2019;(11(3)):46–70. DOI: 10.25285/2078-1938-2019-11-3-46-70.

12. Favarel-Garrigues G., Shukan I. Perspectives on Post-Soviet Vigilantism. Introduction. *Laboratorium: Russian Review of Social Research.* 2019;(11(3)):4–15. DOI: 10.25285/2078-1938-2019-11-3-4-15.

13. Gabdulhakov R. Heroes or hooligans? Media portrayal of Stopxam (Stop a douchebag) vigilantes in Russia. *Laboratorium: Russian Review of Social Research.* 2019;(11(3)):16–45. DOI: 10.25285/2078-1938-2019-11-3-16-45.

14. Johnston L. What is Vigilantism. *The British Journal of Criminology.* 2010;(36(2)):220–236. DOI: 10.1093/OXFORDJOURNALS.BJC.A014083.

15. Moncada E. Varieties of vigilantism: conceptual discord, meaning and strategies. *Global Crime.* 2017;(18):403–423. DOI: 10.1080/17440572.2017.1374183.

16. Sen A., Pratten D. *Global Vigilantes: Perspectives on Justice and Violence.* London, 2007.

17. Yahaya J.U., Bello M.M. The Impact of Vigilantism and Crime Control in Contemporary Nigeria: A Case Study of Gezawa Local Government Area, Kano State, Nigeria (2010–2015). *International Journal of Recent Innovations in Academic Research.* 2019;(3(1)):1–24.

XVII International Scientific and Practical Conference: Science and Knowledge: Vectors of Development of Competitiveness of Society, Science and Business. Novorossiysk, 2015. (In Russ.)]

6. Ponomarev E.G., Dudchenko Yu.L., Rasskazov V.L. [Extrajudicial repressions as a measure of struggle for the protection of the state system in Russia in the second half of the 19th - early 20th centuries]. *Filosofiya prava = Philosophy of law.* 2014;(5(66)):62–67. (In Russ.)]

7. Simonova I.A., Porozov R.Yu. [Youth vandalism as vigilantism: Russian specificity of "vigilant strategies"]. *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal = Eurasian legal journal.* 2019;(10(137)):467–469. (In Russ.)]

8. Khodzhaeva E. [The revival of the DND (voluntary people's squads) in Russia: an example of mobilization imposed from above]. *Laboratorium: Zhurnal rossijskih sotsial'nykh issledovaniy = Laboratorium: Russian Review of Social Research.* 2019;(3):105–141. DOI: 10.25285/2078-1938-2019-11-3-105-141 (In Russ.)]

9. Chernobrovkin I.P., Shevelev V.N. [Vigilantism in conflicts between local residents and ethnic migrants: a managerial approach]. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya = Social and humanitarian knowledge.* 2014;(11):83–87. (In Russ.)]

10. Akinlabi K.L., Ihemeje G.C. Role of Vigilante Groups in Crime Prevention and Control in Ile-Ife, Osun State, Nigeria. *Ife Social Science Review.* 2021;(29(2)):89–105.

11. Daucé F., Loveluck B., Ostromooukhova B., Zaytseva A. From Citizen Investigators to Cyber Patrols: Volunteer Internet Regulation in Russia. *Laboratorium: Russian Review of Social Research.* 2019;(11(3)):46–70. DOI: 10.25285/2078-1938-2019-11-3-46-70.

12. Favarel-Garrigues G., Shukan I. Perspectives on Post-Soviet Vigilantism. Introduction. *Laboratorium: Russian Review of Social Research.* 2019;(11(3)):4–15. DOI: 10.25285/2078-1938-2019-11-3-4-15.

13. Gabdulhakov R. Heroes or hooligans? Media portrayal of Stopxam (Stop a douchebag) vigilantes in Russia. *Laboratorium: Russian Review of Social Research.* 2019;(11(3)):16–45. DOI: 10.25285/2078-1938-2019-11-3-16-45.

14. Johnston L. What is Vigilantism. *The British Journal of Criminology.* 2010;(36(2)):220–236. DOI: 10.1093/OXFORDJOURNALS.BJC.A014083.

15. Moncada E. Varieties of vigilantism: conceptual discord, meaning and strategies. *Global Crime.* 2017;(18):403–423. DOI: 10.1080/17440572.2017.1374183.

16. Sen A., Pratten D. *Global Vigilantes: Perspectives on Justice and Violence.* London, 2007.

17. Yahaya J.U., Bello M.M. The Impact of Vigilantism and Crime Control in Contemporary Nigeria: A Case Study of Gezawa Local Government Area, Kano State, Nigeria (2010–2015). *International Journal of Recent Innovations in Academic Research.* 2019;(3(1)):1–24.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петровский Антон Владимирович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anton V. Petrovskiy

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate

уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО
«Кубанский государственный университет»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0326-0807>

Professor of the Department of Criminal Law and
Criminology of the FGBOU VO "Kuban
State University"

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0326-0807>